

Промысел Божий в судьбах Оптинских старцев

Собор Оптинских старцев

*«Ибо во власти Господа, а не во власти идущего
давать направление стопам своим» (Иер. 10, 23).*

В жизни Оптинских старцев особенно ясно и явно были видны знаки Божественного Промысла, ведшего их к великому делу пастырского окормления тысяч монашествующих и мирян накануне грозных бурь XX века.

При всем многообразии их судеб (а среди Оптинских старцев были люди разного звания и происхождения) мы видим и некие их общие отличительные черты. Так, все Оптинские старцы происходили из благочестивых православных семейств и имели в роду молитвенников, сами с детства любили молитву и Божий храм, на всех них уже с раннего возраста лежала печать особого избранничества, а обстоятельства их жизни складывались так, что все они рано или поздно, в соответствии с их собственными стремлениями, должны были оказаться в благословенной Оптиной пустыни.

У преподобного Макария прадед был иноком. Семья будущего старца часто посещала монастырские службы и окормлялась у монашествующего духовника, архимандрита Феофана. Позднее преподобный Макарий писал о монастырях: «Обиталища сии – монастыри – не изобретение человеческого ума, но Дух Святой, через богодухновенных Отцов, установил жительство сие для тех, кто позван будет Богом или из любви к Нему, или по причине множества грехов своих».

А отвечая на вопрос одной женщины – своего духовного чада, почему, находясь в миру, она испытывала спокойствие, а в монастыре это спокойствие сменилось на духовную брань, старец разъяснял: «Хорошо, что ты познала, что спокойствие, на которое ты опиралась в мире, непрочно и ненадежно. А притом и то знай, что ты, живя в монастыре, находишься на поприще брани, как духовный воин, и раны принимаешь, и венцов сподобляешься, а удаляясь с сего поприща, уже и не имеешь брани, и мнишь, будто имеешь спокойствие, но оно ложно, ибо скоро может превратиться в свирепую бурю. Итак, благодари Бога, призвавшего тебя на сей путь и обучающего во бранях».

*Иеросхимонах Макарий
(Иванов) (1788-1860)*

Отец преподобных Моисея и Антония, Иван Григорьевич, строго соблюдал посты и часто посещал храм Божий, пел на клиросе, был очень умён и начитан, особенно любил читать Священное Писание, церковную историю, жития святых и исторические книги. Работал отец сборщиком налогов у хозяина-откупщика, и честность его была так очевидна, что хозяева в течение нескольких лет повысили ему плату от двухсот до тысячи двухсот рублей в год после того, когда Иван Григорьевич обзавёлся семьёй.

Мать преподобных Моисея и Антония, Анна Ивановна, была благочестива, милостива к нищим и беднякам, смиренна, усердна к молитве. Дети её вспоминали, как часто их мать по ночам молилась Богу. С семилетнего возраста она

почти ежедневно ходила к обедне в монастырь, в котором жил её родной дедушка, иеродьякон, старец маститых лет.

*Схигумен Антоний
(Путилов) (1795—1865)*

Когда она приносила гостинец дедушке, он каждый раз говорил ей о сокровище. Когда Анна Ивановна спрашивала: «Где же сокровище? Ибо у вас в келье нет и сундучка», старец отвечал, что это сокровище лежит под престолом Божиим. Лишь много лет спустя она поняла, что старец предугадывал её счастливую семейную жизнь и то, что три её сына будут в монашеском чине настоятелями и наставниками.

И действительно, все сыновья стали священнослужителями и после смерти отца, на его простом мраморном памятнике, у алтаря церкви Всех Святых, написали, что памятник сей воздвигли «Путилова дети: Моисей, игумен Оптиной Пустыни, Исаия, игумен Саровской Пустыни, Антоний, игумен Малоярославецкого Николаевского монастыря».

Мать преподобного Илариона, Евфимия Никифоровна, женщина достопочтенная и богобоязненная, воспитавшая четырёх сыновей, дважды брала отрока Родиона, будущего старца, в паломничество к святыням Киево-Печерской Лавры.

Александр, будущий преподобный Амвросий, родился в благочестивой семье Гренковых, тесно связанной с Церковью: дед был священником, а отец, Михаил Фёдорович, — пономарём. Перед рождением ребёнка к деду-священнику съехалось так много гостей, что родильницу, Марфу Нико-

лаевну, перевели в баню, где она и родила сына, названного в святом крещении в честь благоверного великого князя Александра Невского. Родители, воспитывавшие восьмерых детей, отдали Александра учиться сначала в духовное училище, а затем в семинарию.

Преподобный Анатолий (Зерцалов), в миру Алексей, родился в семье дьякона и воспитывался в строгости и благочестии, оправдывая слова: «Молитва родителей создает дома детей». Родители хотели видеть сына иноком, и он стал им. Но вначале успешно закончил духовное училище, а затем семинарию в Калуге.

Преподобный Исаакий I, в миру Иван, родился в зажиточной купеческой семье Антимоновых, почётных граждан Курска. Семья эта пользовалась большим уважением в городе за безукоризненную честность, любовь к храму Божию, милосердие к бедным, строгую и благочестивую жизнь. Ваня был любимцем у бабушки, и он брал внука с собой в храм, который посещал ежедневно. Старший брат Ивана уехал в Оптину и стал монахом, к нему и приезжал юноша, тоже мечтавший об иноческой жизни.

Иеросхимонах Иосиф

(Литовкин 1837—1911)

Преподобный Иосиф, в миру Иван, также родился в доброй, благочестивой и верующей семье. Отец его, Ефим Емельянович, был в своём селе головой, пользовался всеобщим уважением. Мама, Марья Васильевна, слыла строгой, но справедливой и милостивой.

И отец и мать постоянно благодетельствовали беднякам, иногда раздавали милостыню даже в тайне друг от друга, по Евангельскому слову, чтобы правая рука не знала о том, что делает левая. Любили принимать в свой дом монахов, собирающих на обитель, и всегда жертвовали на храм. Отец нередко выказывал желание, чтобы кто-нибудь из его детей посвятил себя Богу.

Родители приучили всех своих детей (а их было шестеро: три сына и три дочери) всегда ходить в храм, молиться и читать духовные книги. Особенно любили жития святых. И второго сына назвали Иоанном в честь своего любимого святого Иоанна Милостивого. Покров этого святого был над Иоанном всю жизнь, и вырос мальчик необыкновенно добрым и милостивым человеком. Также у преподобного Иосифа монахиней была его старшая сестра.

Преподобный Варсонофий, в миру Павел Иванович Плиханков, родился в день памяти преподобного Сергия Радонежского, которого он всегда считал своим покровителем. Мать его Наталия скончалась при родах, а сам ребёнок

остался жив благодаря таинству Крещения, которое немедленно совершил над ним священник.

Дед и прадед мальчика были весьма богаты. Почти все дома по Казанской улице принадлежали семье Плиханковых. Все члены семьи, благочестивые и глубоко верующие люди, много помогали находившемуся на этой же улице храму Казанской иконы Божией Матери. Семья считала, что их род находится под особым покровительством Казанского образа Божией Матери.

После смерти матери отец женился вторично, и в лице мачехи Господь послал младенцу глубоко верующую, добрейшей души наставницу, которая заменила ему родную мать. И вот Павлуша с раннего возраста – настоящий православный человек. Он ходит с мамой (так называл он мачеху) в церковь, регулярно причащается, читает домашнее правило. Позднее он вспоминал: «Любила мама и дома молиться. Читает, бывало, акафист, а я распеваю тоненьким голоском на всю квартиру: «Пресвятая Богородице, спаси нас!» Пяти лет Павлуша начал прислуживать в алтаре и нередко слышал, как люди предсказывали: «Быть тебе священником!»»

Иеросхимонах Анатолий (Потанов) (1855—1922)

Преподобный Анатолий (Потанов), в миру Александр, вырос в большой семье, был воспитан в страхе Божиим и православном благочестии.

Преподобный Нектарий, в миру Николай, родился в бедной семье Василия и Елены Тихоновых. Отец его трудился рабочим и умер, когда сыну было всего семь лет. Перед кончиной он благословил сына иконой святителя Николая, поручая его попечительству

свое чадо. С этой иконой старец не расставался всю жизнь.

Преподобный Никон, исповедник, в миру Николай, родился в многодетной, дружной и благочестивой семье московских купцов Беляевых. В крещении был назван Николаем – в честь святителя Николая Мирликийского, Чудотворца. От родителей он унаследовал любовь к Церкви, чистоту и строгость нрава.

Заслуживает внимания один случай, произошедший с его матерью, Верой Лаврентьевной. Однажды дом Беляевых посетил Праведный Иоанн Кронштадтский. Отслужив молебен, он благословил молодую мать и подарил ей свою фотографию с собственноручной подписью и датой – «год 1888, год рождения сына Николая».

Отец священномученика Исаакия II подвизался в Оптиной пустыни и умер схимонахом.

Как видим, у Оптиных старцев в роду были крепкие молитвенники, иноки, священники или просто глубоко верующие, благочестивые люди.

Интересно, что по свидетельствам современников, на всех старцах Оптиных с детства лежала печать избранничества, особого Божия благоволения.

Будущий преподобный Макарий нередко слышал слова своей любимой матери, которая говорила о тихом и кротком сыне: «Сердце моё чувствует, что из этого ребёнка выйдет что-нибудь необыкновенное».

Про преподобного Иосифа его наставник, протоиерей говорил: «Из этого мальчика выйдет что-нибудь особенное».

Преподобному Илариону мать еще в семилетнем его возрасте предсказывала будущее монашество. Да и сам отрок с детства чувствовал в себе стремление стать монахом.

Отца преподобного Исаакия I во время его путешествия в Киев в 1809 году, как раз перед рождением сына, известный Киевский старец, иеромонах Парфений, приветствовал словами: «Блаженно чрево, родившее монаха».

Преподобный Варсонофий вспоминал, как в детстве они с отцом встретили таинственного странника, который сказал про малыша: «Помни, отец, это дитя в своё время будет таскать души из ада!»

Характерной особенностью всех Оптиных старцев была собственная благочестивая жизнь в миру, молитва, любовь к храму и богослужениям.

Будущий преподобный Макарий, в возрасте пяти лет потерявший любимую мать, чтит уединение, много читал, особенно духовные книги. Находил утешение в игре на скрипке. Не поддерживал попыток родных женить его, да и не

имел к этому стремления. Душа его искала других радостей — духовных.

*Схиархимандрит Моисей
(Путилов) (1782—1862)*

Тимофей даже в лавке не расставался с духовными книгами, откладывая их только с приходом покупателей.

Когда его младший брат Александр (преподобный Антоний) тоже переехал в Москву и стал служить комиссионером у откупщика, он точно так же не обращал внимания на мирские соблазны, а в свободное от работы время посещал церкви и монастыри.

Юному Родиону (преподобному Илариону) также пришлось поработать в Москве в нескольких мастерских и пройти различные жизненные искушения. Когда он жил в артели, хозяин-немец кормил сорок человек работников скоромным, не заботясь о православных постах. Однако и здесь Родион соблюдал пост, хотя наверняка это было для него нелёгким испытанием.

Юноша твёрдо решил вести благочестивую и добродетельную жизнь, несмотря на различные искушения, и Господь

Когда Тимофею (преподобному Моисею) исполнилось восемнадцать лет, его вместе с четырнадцатилетним братом Ионою отправили на службу в Москву к откупщику Карпышеву. Можно представить, сколько соблазнов и искушений можно было встретить в столице неопытному юноше. Но Тимофей не обращал внимания на мирские соблазны. Здесь, в Москве, было много духовных святынь, можно было достать больше духовной литературы, и

помогал его произволению и ограждал чистую душу Родиона. Об одном из искушений он вспоминал:

«Один мастер был хорош ко мне, но, уходя вечерами или праздниками домой, вел жизнь очень неназидательную. Мне часто приходилось ходить или ездить к нему на квартиру, когда хозяин меня за ним посылал. Вся обстановка его домашней жизни отнюдь не согласовалась с хорошею нравственностью. И мне, в мои поездки к нему, приходилось наталкиваться на вещи и сцены, которые очень бы могли повредить моему устройению, но я, по милости Божией, твердо держался правила не задерживаться у него более, нежели сколько было необходимо, во избежание соблазнов. Скажу ему, что бывало нужно от хозяина, да сейчас же оттуда опять домой. Господь помог моему произволению и сохранил среди этих искушений».

Позднее, когда юноша сам станет мастером и хозяином артели, он будет заботиться о своих работниках, оберегать их от искушений.

Иеросхимонах Амвросий

(Гренков) (1812—1891)

Юный Александр (преподобный Амвросий) променял блестящее будущее на иноческий путь. Решающей стала поездка в Троице-Сергиеву Лавру, молитвы у мощей преподобного Сергия Радонежского. После слёз и молитв в Лавре мирская жизнь, развлекательные вечера в гостях показались Александру такими ненужными, лишними, что он решил срочно и тайно уехать в Оптину.

Преподобный Анатолий (Зерцалов) в детстве любил ходить в Божий храм и чинно стоял подле матери. Дома же книга была ему постоянным спутником. В четырнадцать лет он из-за болезни пропустил год учёбы, а потом чуть не ушёл к пустынникам в Рославльские леса как раз в то время, когда среди этих пустынников были и будущие Оптинные преподобные Моисей и Антоний.

После окончания семинарии он некоторое время служил в Казённой палате. Получая жалование, делился с родными, был по-прежнему скромн и строг в жизни, всеми любим и уважаем. Общественных увеселений избегал, а если и бывал в гостях, то с большим выбором, и там вносил доброе веяние. Однажды он был в гостях у товарища, где в квартире творилось неладное: летали вещи и тому подобное, чему очевидцем стал и гость, который посоветовал отслужить молебен во избавление от этих явлений. Его послушались, и случаи эти прекратились.

Юноша продолжал думать о монашестве. Часто и усердно он ходил молиться Богу в храмы, так что мать, если приезжала по утрам, никогда его не заставляла, поскольку он уходил к ранней обедне.

Схиархимандрит Исаакий (Антимонов) (1810—1894)

Маленький Ваня (преподобный Исаакий I) был любимцем у дедушки, и тот брал внука с собой в храм, который посещал ежедневно. При таком воспитании Иван вырос скромным, добрым, молчаливым, избегавшим детских и юношеских увеселений. Он тяготел к духовной жизни.

Ясный ум, простота, любовь к справедливости — все эти черты характера позволили юноше оказывать нравственное влияние на своих работников, когда он начал помогать отцу в торговых занятиях. Вступая в беседу с простым человеком, Иван отучал их от божбы, внушал страх Божий, говорил о заповедях. Сохранилось предание, что он в то время, ежедневно становясь на молитву, полагал по тысяче поклонов. Но свое воздержание и подвиги он тщательно скрывал от домашних.

Будущий старец Иосиф рано остался сиротой. Господь вёл отрока путём скорбей и испытаний. Ему пришлось работать и в трактире, и в бакалейной лавке, таскать пятипудовые мешки и прочие тяжести, сопровождать обозы с товаром. Воры снимали с него сапоги, он тонул, переносил доски с плотов, падал в обморок от голода, скитался, бывал бит жестоким хозяином, подвергался многочисленным опасностям и искушениям.

Мирские соблазны обходили стороной чистую душу юноши, Господь хранил его среди грубой и нередко развращённой среды. С ним был покров Божией Матери. Юноша никогда не пил вина и не играл в карты. В миру он всегда испытывал тоскливое чувство; молитва — единственное наследство, доставшееся ему от благочестивых родителей, — была неизменной спутницей его скорбной жизни, а храм — единственным местом утешения, куда его всегда влекло благочестиво настроенное сердце.

Павел Иванович Плиханков, будущий преподобный Варсонофий, был молодым военным. Его сослуживцы прожигали жизнь в развлечениях, но он приходил в своём быту к всё большему аскетизму. Комната его напоминала келью монаха простотой убранства, порядком, а также множеством икон и книг.

Павел Иванович часто молился у мощей Казанского чудотворца, испрашивая у него покровительства себе: «Святителю отче Варсонофие, моли Бога о мне!» Посещая этот монастырь, он невольно обратил внимание на его бедность и стал помогать: купил лампадку, киот на большую икону, ещё что-то... «И так полюбил всё в этом монастыре! Воистину: где будет сокровище ваше, тут будет и сердце ваше».

Сослуживцы уже не звали Павла Ивановича ни на пирушки, ни в театр. Зато у него появились маленькие друзья. Денщик Павла Ивановича, Александр, доброй души чело-

*Схиархимандрит
Варсонофий (Плиханков)
(1845—1913)*

век, помогал ему найти бедных детей, которые жили в хижинах и подвалах. Впоследствии старец рассказывал:

«Я очень любил устраивать детские пиры. Эти пиры доставляли одинаково и мне и детям радость... А также я им рассказывал о чём-нибудь полезном для души, из житий святых, или вообще о чём-нибудь духовном. Все слушают с удовольствием и вниманием. Иногда же для большей назидательности я приглашал с собой кого-либо из монахов или иеромонахов и предоставлял ему говорить, что производило ещё большее впечатление... Перед нами поляна, за ней река, а за рекой Казань со своим чудным расположением домов, садов и храмов... И хорошо мне тогда бывало, – сколько радости – и чистой радости – испытывал я тогда и сколько благих семян было брошено тогда в эти детские восприимчивые души!»

Николай (преподобный Нектарий) рано остался круглым сиротой. С 11 лет он стал работать в лавке богатого купца. Был Николай трудолюбив и к 17 годам дослужился до младшего приказчика. В свободное время юноша очень любил ходить в храм и читать церковные книги. Его отличали кротость, скромность, душевная чистота.

Маленькие братья Беляевы, Николай (преподобный Никон) и Иван почти ежедневно посещали храм. Выполняли утреннее и вечернее молитвенное правило. В доме часто читались вслух Евангелие и жития святых. С годами у Николая и его младшего брата Ивана возникло и укрепилось сознательное стремление к духовной жизни и к монашеству.

В жизни каждого из будущих Оптинских старцев были явные, иногда чудесные, знаки их избранничества.

Для преподобного Иосифа таким знаком стало видение в детстве Божией Матери, после которого ребёнок стал уклоняться от детских игр, и в его детском сердечке загорелась живая вера и любовь к Царице Небесной. Вскоре после этого видения в селе случился пожар. Огонь грозил перекинуться на новый, только что отстроенный дом Литовкиных. Маленький Ваня с молитвой обратился к Божией Матери и начал кричать: «Царица Небесная! Оставь нам наш домик!» И дом остался стоять невредимым среди пожарища, а кругом всё сгорело.

Однажды поехал Павел Иванович (преподобный Варсонофий) в оперный театр по приглашению своего военного начальства. Среди развлекательного представления он вдруг почувствовал невыразимую тоску. Позднее он вспоминал: «В душе как будто кто-то говорил: «Ты пришёл в театр и сидишь здесь, а если ты сейчас умрёшь, что тогда? Господь сказал: В чём застану, в том и сужу... С чем и как предстанет душа твоя Богу, если ты сейчас умрёшь?»

И Павел Иванович ушёл из театра прямо во время спектакля, и больше никогда не ходил туда. Прошли годы, и ему захотелось узнать, какое тогда было число, чья память праздновалась. Он справился и узнал, что тогда была память святителей Гурия и Варсонофия, Казанских чудотворцев. Тогда будущий старец понял: «Господи, да ведь это меня святой Варсонофий вывел из театра! Какой глубокий смысл в событиях нашей жизни, как она располагается — точно по какому-то особенному таинственному плану».

*Иеромонах Никон (Беляев)
(1888—1931)*

Будущий преподобный Никон в возрасте пяти лет тяжело заболел. Все усилия врачей спасти его оказались безрезультатными. Обнимая похолодевшее, бездыханное тельце младенца, его мать горячо молила святителя Николая сохранить ему жизнь. И совершилось чудо. Мертвый ребенок ожил. Впоследствии Оптинский старец Варсонофий особенно подчеркивал таин

жизни.

ственное значение этого случая, в смысле явного предназначения Николая к иноческой

жизни. Когда Николай и его брат Иван решили уйти в монастырь, то никак не могли принять решение, какой же монастырь избрать. Изрезали на полоски перечень русских монастырей и, помолившись, вытянули полоску, на которой было написано: «Козельская Введенская Оптина пустынь».

Другими особенными указаниями Божиими на избранничество были случаи, когда будущие старцы невольно пытались уклониться от иноческого пути, решив (по настоянию родных) жениться или остаться в миру. Женитьба их по тем или иным причинам, не зависящим от них, расстраивалась — и это тоже было Божиим знаком.

Родион Никитич, будущий преподобный Иларион, соби-рался жениться на прекрасной и трудолюбивой невесте. Ко-

гда дело было уже слажено, девушка поехала к своей матери, имевшей в Пензе свой дом и хозяйство, чтобы распорядиться своим имуществом и затем возвратиться в Саратов для венчания. Но вскоре, по приезде в Пензу, заболела и, после непродолжительной болезни, скончалась. Господь принял к себе невесту Родиона Никитича, который после этого решил посвятить себя в девстве на служение ближним.

Впоследствии был еще один случай сватовства. Желая видеть сына женатым, родители приискали Родиону Никитичу в одном зажиточном купеческом семействе умную и красивую невесту. Отдавая всякую справедливость достоинствам невесты, Родион Никитич, однако, и сам тому удивляясь, нимало не располагался к ней сердцем и старался напротив всячески найти препятствие этому браку. Через близких знакомых открылась и причина, по которой не располагалось сердце Родиона Никитича сблизиться с невестой и её родными. Оказалось, что они втайне придерживались какого-то лжеучения, от которого невеста, по закоснению никак не хотела отказаться; Родион Никитич обрадовался этому обстоятельству, как достаточному поводу покончить со сватовством.

*Иеросхимонах Иларион
(Пономарев) (1805—1873)*

Мысль о монашестве зародилось у Ивана (будущего преподобного Исаакия I), по-видимому, рано, но поскольку отец возложил на него все хозяйственные дела, он остался послушен родительской воле и ждал особенного указания

Божия на свой иноческий путь. Таким указанием он счёл неудачное сватовство и неудавшиеся попытки устроить семейную жизнь в миру. Попыток сватовства было несколько, и все они по разным причинам расстраивались.

Мирские соблазны обходили стороной чистую душу Ивана (будущего преподобного Иосифа). Его как-то спросили: «Нравился ли вам кто-то в миру?» На это он ответил с наивной простотой, которая свидетельствовала о его искренности и невинности: «Да ведь я был близорук и никого не мог хорошо рассмотреть издали; а близко подходить со-вестился – был застенчив. Бывало для меня очень трудно, когда хозяин при гостях пошлёт позвать кого-нибудь, а я издали никак не разберу, к кому нужно подойти».

Когда, наконец, Иван устроился на хорошее место к благо-честивому купцу, тот был так тронут чистотой и честностью юноши, что решил женить его на своей дочери. Но Господь призвал молодого человека к другому пути: однажды Иван получил письмо от сестры-монахини. Та написала ему про скит Оптиной пустыни, который славился старцами. Иван отправился туда на богомолье, а затем и вовсе остался.

Преподобный Варсонофий вспоминал: «Когда мне было тридцать пять лет, матушка обратилась ко мне: «Что же ты, Павлуша, всё сторонись женщин, скоро и лета твои выйдут, никто за тебя не пойдёт». За послушание я исполнил желание матери... В этот день у одних знакомых давался званый обед. «Ну, – думаю, – с кем мне придётся рядом сидеть, с тем и вступлю в пространный разговор». И вдруг рядом со мной, на обеде, поместился священник, отличавшийся высокой духовной жизнью, и завёл со мной беседу о молитве Иисусовой... Когда же обед кончился, у меня созрело твёрдое решение не жениться».

Когда юному Николаю (преподобному Нектарию) исполнилось двадцать лет, старший приказчик задумал женить его на своей дочери. В то время в Ельце жила почти столетняя схимница, старица Феоктиста, духовная дочь святителя Тихона Задонского. У горожан был благочестивый обычай советоваться с ней во всех важных делах. Хозяин отправил к ней юношу за благословением на брак. А схимница благословила его пойти в Оптину пустынь к старцу Илариону. Перекрестила его и дала чай в дорогу. Хозяин отпустил юношу в Оптину, а Николай там и остался.

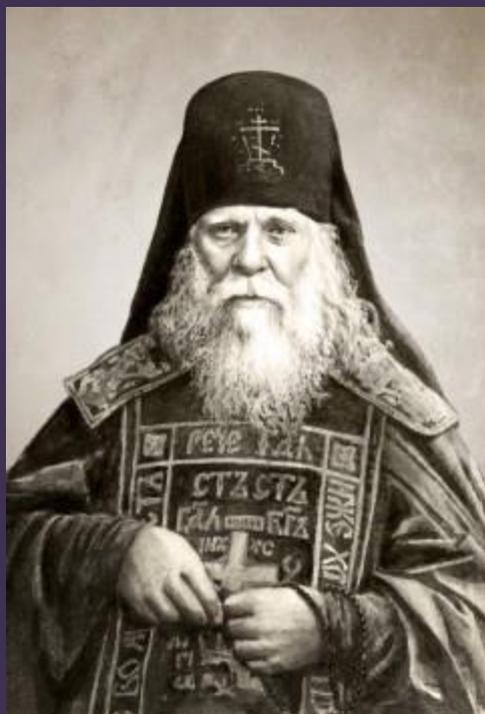
*Иеросхимонах Нектарий
Оптинский (1853—1928)*

Уже в том, складывается у человека семейная жизнь в миру или не складывается – можно видеть Промысл Божий об этом человеке.

Преподобный Анатолий (Потапов) говорил: «Молись, дитя, и Бог укажет тебе твой путь. Я сам одиннадцать лет жил в мире с матерью после того, как уже твердо решил идти в монастырь. А вот пришло время, и Бог помог осуществить мне мое желание. Другой и женится, но если Богу угодно, Он все-таки призовет его к Себе. Овдовев вдруг, примет монашество, и таким образом, в конце концов он найдет свою настоящую дорогу. Итак, молись, дитя мое, Бог просветит тебя и укажет твой истинный путь».

Некоторым будущим старцам было трудно покинуть мир. И тут промыслительная болезнь приводила к тому, что они давали обеты монашества:

Обладая живым и веселым характером, добротой и остроумием, Александр (будущий преподобный Амвросий) был очень любим своими товарищами. Перед ним, полным сил, талантливым, энергичным, лежал блестящий жизненный путь, полный земных радостей и материального благополучия. Но пути Господни неисповедимы... Незадолго до окончания семинарии Александр опасно заболел. Трудно было уйти из мира умному, образованному юноше, но опасная болезнь привела к тому, что он дал обет в случае выздоровления стать монахом.

*Иеросхимонах Анатолий
(Зерцалов) (1824—1894)*

Возможно, путь Алексея (преподобного Анатолия Зерцалова) в Оптину был бы более длинным, но Господь «ими же веси судьбами» этот путь сократил. Алексей заболел туберкулёзом, а в те времена болезнь эта считалась смертельной. И юноша дал обет: в случае выздоровления поступить в монашескую обитель, что он и исполнил.

В 1881 году Павел (преподобный Варсонофий) заболел воспалением лёгких. Когда по просьбе больного полковника денщик начал читать Евангелие, последовало чудесное видение, во время которого наступило духовное прозрение больного. Он увидел небеса открытыми и содрогнулся от великого страха и света. Прожитая жизнь мгновенно пронеслась перед ним, и он услышал голос, повелевающий идти в Оптину пустынь. У будущего старца открылось духовное зрение. Так он, по словам старца Некта-

рия, «из блестящего военного в одну ночь, по соизволению Божиему, стал старцем».

Таковы судьбы Оптинских старцев.

Случается, что мы унываем и, чаще всего, причины нашего уныния кроются в маловерии. В такие минуты чрезвычайно полезным оказывается воспоминание о Промысле Божиим, который так ясно и явно проявлялся в жизни святых. Святитель Филарет Московский писал: «Всеведущий Бог избирает, предназначает от колыбели, а призывает в определённое Им время, непостижимым образом совмещая сопряжение всевозможных обстоятельств с изволением сердца. Господь в своё время препоясывает и ведёт Своих избранных так, как бы они не желали, но туда, куда желают прийти».

Но и в нашей жизни есть место великому утешению, ибо, по евангельскому слову, «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены» (Мф. 10, 29-30).

*Православный журналист
Ольга Рожнёва*

